

Цзян Лэ очнулся в самой обычной комнате. В тот миг, когда сознание вернулось, он резко сел и обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте.

Комната была небольшой и полутёмной. Свет, проникавший через маленькое вентиляционное окошко высоко в стене, почти не рассеивал здешний сумрак. Кроме кровати, на которой лежал Цзян Лэ, здесь стоял только придвинутый к стене жертвенный столик. Краска на нём облупилась пятнами, сразу было видно, что вещь старая. Под столиком громоздились несколько картонных коробок: одни уже пустые, одна была приоткрыта, и внутри ещё виднелось несколько бутылок прохладительного чая.

У изголовья, на тумбочке возле Цзян Лэ, лежал его костяной клинок. Рядом стоял чёрный рюкзак, который он всегда носил с собой, и снятый с запястья посадочный сосуд. Цзян Лэ взял сосуд, открыл крышку: кровавая лоза была там, мутировавший женьшень тоже был, только оба находились в спячке и никак не отзывались на вопросы Цзян Лэ.

Волчонка здесь не было.

Цзян Лэ снова застегнул ремешок на запястье, тут же встал с кровати и направился к двери.

Дверь перед ним была деревянная, с широкими щелями, небрежно разъеденными временем. Солнечный свет просачивался сквозь них внутрь, но часть света кто-то заслонял. По очертаниям было видно: снаружи стоит человек.

За дверью кто-то негромко разговаривал. Голоса доносились смутно, неотчётливо, а когда доходили до слуха Цзян Лэ, почти теряли свой изначальный смысл, отчего тревога в груди становилась ещё сильнее.

Запахи, звуки, всё то восприятие, которое после повышений уровня усилилось во множество раз, словно кто-то отнял. В этот миг Цзян Лэ будто вернулся в тот день, когда только переродился за полгода до конца света.

Более того, вспомнив кое-что, Цзян Лэ опустил голову и поднял своё запястье. Метка в виде молодого ростка на нём оставалась чёткой, но когда Цзян Лэ приложил к ней пальцы, прикосновение не перенесло его с места, будто некая сила отрезала его от всех возможностей.

Цзян Лэ изо всех сил попытался выловить в памяти последнюю картину, которую видел перед потерей сознания. Мутировавший паук, невидимое колебание воздуха и ещё что-то...

— Братец?

Этот детский голос был обрывком, оставшимся в памяти Цзян Лэ.

Он смешался с прозвучавшим снаружи женским голосом средних лет; её путунхуа был далёк от стандартного, и Цзян Лэ на мгновение впал в оцепенение.

— Мальчик, ты нас не пускаешь, а сам-то заходил посмотреть? С твоим другом ничего не случилось?

Похоже, эти слова были обращены к тому, кто загораживал дверь. Человек перед дверью не ответил, только слегка повернулся и отвёл лицо, избегая чужого взгляда.

Даже без остальных чувств Цзян Лэ сразу понял, кто стоит снаружи. Он открыл деревянную дверь изнутри. Высокий мужчина у входа, услышав звук, обернулся. Это действительно был

волчонок.

Только сейчас на волчонке была выцветшая от стирок зелёная рубашка, старые свободные штаны, а на ногах даже пара армейских ботинок. Вид был такой, словно он в следующую секунду собирался идти работать в поле.

Он загородил собой Цзян Лэ, не позволил ему выйти, а наоборот, втолкнул обратно в комнату и снова закрыл дверь.

Убедившись, что с волчонком всё в порядке, Цзян Лэ заметно успокоился, но не понимал, почему тот не выпускает его наружу.

Цзян Лэ не почувствовал в голосе той женщины никакой злобы. К тому же сейчас было очень важно понять, где они находятся.

— Здесь что-то не так, — сказал волчонок. — Я не могу вернуться в прежний вид и не могу найти способ отсюда уйти.

Цзян Лэ спросил:

— Сколько я проспал?

— Меньше суток.

Кровавая лоза и мутировавший женьшень впали в спячку, войти в пространство фермы было невозможно, волчонок тоже удерживался в сравнительно более слабом человеческом облике. Но кроме этого Цзян Лэ не чувствовал в теле никакого недомогания. Это могло означать только одно: где-то поблизости существовала сила более высокого порядка, намеренно подавляющая его.

— Со мной всё в порядке, не волнуйся. — Цзян Лэ погладил волчонка по голове, хотя при таком облике этот жест выходил немного неловким.

За дверью снова слышались шаги и голоса. Только когда они приблизились, Цзян Лэ начал кое-что различать. Оказалось, прежние неясные разговоры он не понимал вовсе не потому, что с ним что-то случилось, а потому что люди говорили на довольно трудном местном диалекте. Даже сейчас, когда они стояли прямо у двери, Цзян Лэ мог разобрать лишь отдельные слова и короткие фразы, но не складывал их в связную речь.

Дверь толкнули снаружи. У ручки показалась маленькая голова. Это был круглолицый мальчишка. Его взгляд миновал холодного с виду волчонка и, едва увидев Цзян Лэ, тут же засиял.

— Братец, ты проснулся!

Голос мальчика совпал с обрывком из памяти Цзян Лэ.

Цзян Лэ оттянул волчонка, стоявшего перед ним, себе за спину и мягко кивнул мальчику:

— Это ты меня спас?

Мальчик сразу полностью распахнул дверь.

— Ага!

За мальчиком стояло несколько мужчин и женщин, стариков и молодых. Все они с любопытством смотрели на Цзян Лэ.

В разговоре Цзян Лэ узнал, где находится, и кто эти люди перед ним.

Он оказался в маленькой горной деревне под названием Вэньси. В деревне оставалось четыре-пять десятков жителей. Несколько сотен лет назад их предки, спасаясь от войн, пришли в эти горные леса Бигуана и поселились здесь. Если не считать детей, которые уходили учиться, и жителей, выехавших на заработки, многие старики за всю жизнь дальше ближайшего посёлка почти нигде не бывали.

Мальчика, который спас Цзян Лэ, звали Вэнь Тао. По его словам, вчера он ходил в лес собирать грибы и как раз увидел, что Цзян Лэ ранен, потерял сознание и его вот-вот утащат. Тогда он позвал старших из деревни, и те принесли Цзян Лэ обратно.

Цзян Лэ был красив, в чертах его лица не было никакой свирепости, и люди легко прониклись к нему симпатией. Например, Вэнь Тао не успел обменяться с ним и несколькими фразами, как уже взял Цзян Лэ за руку и с любопытством спрашивал, откуда он пришёл и что теперь творится снаружи.

Из всех стоявших перед ним людей только над головой Вэнь Тао отображалась метка обладателя способности 2-го уровня. Все остальные были обычными людьми. Более того, судя по их словам, они знали о конце света, но совершенно не представляли нынешнего положения внешнего мира.

Цзян Лэ не стал лгать. Он кратко объяснил цель, с которой пришёл в Бигуан: охотиться на мутировавшие виды и добывать кристаллические ядра. Здесь явно существовала сила, превосходящая его, и врать не было никакого смысла.

Что же до внешнего мира, о котором жители деревни очень переживали, Цзян Лэ лишь покачал головой и коротко сказал:

— Снаружи всё ещё плохо. Хаос, насилие, спокойной жизни нет.

— Я так и думал. Всё-таки место, которое предки нам выбрали, хорошее.

— Значит, нам ещё надо здесь прятаться.

Жители деревни Вэньси заговорили разом, наперебой, и заодно рассказали Цзян Лэ ещё больше подробностей. Когда упали метеориты, один из них рухнул рядом со старым камфорным лавром у входа в деревню.

— Огромный был! Когда папа на следующий день его нашёл, корни дерева уже обвили тот камень, — Вэнь Тао поднял рукав и вытер нос.

Тогда жители деревни даже хотели связаться со СМИ, чтобы об этом рассказали. Жаль, место у них было слишком глухое, никто не захотел приезжать. Кто-то из жителей выложил короткое видео, но, кроме своих же деревенских, его тоже никто не лайкнул.

— Этот камфорный лавр ещё наши предки посадили, когда переселились сюда. Мы с детства каждый год ему поклоняемся.

Поэтому, когда метеорит переплёлся с корнями старого камфорного лавра, деревенские

побоялись повредить дерево и не стали силой вытаскивать камень. Так и позволили им со временем постепенно слиться. Теперь метеорит уже исчез с поверхности земли, неизвестно, ушёл ли вместе с корнями глубоко под землю.

Когда разговор дошёл до зомби, голоса жителей стали тяжелее.

— Были, конечно. Несколько десятков. Их всех похоронили на кладбище за деревней.

Но по тону этих людей и их состоянию было видно: конец света почти не затронул их жизнь. Поэтому, когда они после настойчивых расспросов слышали от Цзян Лэ примерное описание положения внешних баз, на лицах многих появилось неверие и запоздалый страх.

Только когда Цзян Лэ вышел из комнаты, перед ним полностью открылась картина снаружи. Это действительно была самая обычная маленькая горная деревня довоенного времени, похожая на деревню Цзянцзя, только расположенная в другой местности. В целом здесь не было никаких следов разрушительного влияния мутаций.

Из-за этого Цзян Лэ вспомнил внутренний город базы Дунфан. Только там всё было намеренно создано людьми, и если приглядеться, многое не выдерживало проверки. А облик этой маленькой горной деревни был лишь естественным продолжением жизни её обитателей.

Жители деревни жили в собственных домах, возделывали свои поля. По узким и широким деревенским дорожкам даже бродили старые курицы с недавно вылупившимися цыплятами, а в полях старые буйволы послушно выполняли команды хозяев.

К Цзян Лэ, чужаку, они относились с любопытством, но почти без настороженности.

Услышав, что Цзян Лэ хочет посмотреть на старый камфорный лавр, которому было несколько сотен лет, Вэнь Тао взял его за руку и повёл туда. Волчонок неотступно шёл рядом с Цзян Лэ.

Цзян Лэ остановился перед старым камфорным лавром.

Это дерево, стоявшее у входа в деревню, уже неизвестно сколько лет росло здесь, вращаясь в землю. О его возрасте можно было судить лишь по мощному стволу и грубой тёмно-бурой коре, хранившей следы долгих лет. Однако огромная крона, густая зелень листьев и едва различимый свежий аромат показывали, что жизненная сила дерева по-прежнему невероятно крепка.

По внешнему виду было невозможно заметить, что камфорный лавр мутировал. Но Цзян Лэ ясно видел над ним метку: 9-й уровень, почти прорыв к 10-му. Похоже, большую часть энергии того метеорита тогда впитало именно это дерево.

Та огромная чёрная центральная зона, которая отображалась на охотничьей карте, на деле оказалась вот такой тихой и безобидной деревней.

Глядя на старый камфорный лавр, Цзян Лэ ощущал исходящую от него густую, глубокую силу. Возможно, станет ли это место гибельным для пришельца, зависело от того, пришёл ли тот с дурными намерениями.

Сейчас всё казалось мирным, но Цзян Лэ был уверен: стоит ему лишь пошевелить такой мыслью, старый камфорный лавр больше не станет терпеть его присутствие.

— Братец, у тебя раны серьёзные? Я хотел зайти посмотреть на тебя и принести еды, но этот

братец не разрешил. — Чем дальше говорил Вэнь Тао, тем тише становился его голос. Он украдкой посматривал своими чёрными глазами на волчонка.

Волчонок будто ничего не слышал. Он просто стоял рядом с Цзян Лэ и следил за каждым его движением.

Цзян Лэ улыбнулся.

— Этот братец не очень привык общаться с людьми. Не принимай близко к сердцу.

Вэнь Тао и Цзян Лэ сели на большой камень рядом со старым камфорным лавром. Мальчик приставал к Цзян Лэ, требуя рассказать о внешнем мире, хотел знать каждую подробность и заодно рассказывал о себе.

Оказалось, среди тех мужчин и женщин, которых Цзян Лэ видел раньше, не было родителей Вэнь Тао. Его родители уехали на заработки и после конца света пропали. Дедушка с бабушкой превратились в зомби. С тех пор Вэнь Тао жил один, но в деревне все были родственниками, и за ним всё равно было кому присмотреть.

Однако, по словам Вэнь Тао, больше всего о нём заботился дедушка-камфорный лавр.

— Когда я болею, дедушка-лавр меня лечит. — Вэнь Тао погладил кору старого дерева, голос у него был ласковым. — Вчера я тоже спросил у дедушки-лавра, может ли он помочь и вылечить тебя. Дедушка сказал, что ты не болен и сам проснёшься. Ещё дедушка сказал, что ты очень сильный человек.

Вэнь Тао спросил:

— Братец, ты такой сильный, но снаружи тебе тоже плохо живётся? Может, вы останетесь в нашей деревне?

— Не всё снаружи плохо, — ответил Цзян Лэ. — Там я тоже живу в своей деревне, и у нас тоже неплохо.

В глазах Вэнь Тао вспыхнул интерес.

— А когда я вырасту и смогу сам выйти наружу, можно мне будет поехать к вам поиграть? Сейчас дедушка-лавр ещё не разрешает мне уходить слишком далеко.

Детская наивность этих слов всё время удерживала улыбку в глазах Цзян Лэ.

— Можно. Когда дорастёшь до восемнадцати лет.

К тому времени порядок в мире уже постепенно стабилизируется. Возможно, внешний мир станет таким, каким этот ребёнок его ждёт.

Цзян Лэ проснулся, и вечером семья дяди Вэнь Тао взяла на себя угощение. Некоторые радушные жители деревни тоже принесли блюда из своих домов, зарезали курицу, разделали рыбу и накрыли целый стол.

Старый камфорный лавр отгородил для жителей деревни обширное, достаточное для жизни пространство и позволил всему сохраняться таким, каким оно было до конца света. Впрочем, сказать, что здесь всё было точно как раньше, тоже было нельзя. Цзян Лэ положил волчонку палочками кусок рыбы. Это рыбе мясо явно тоже слегка мутировало.

Не то чтобы Цзян Лэ непременно хотел подкладывать волчонку еду. Просто если он не положит, волчонок вообще не станет есть эти блюда. Обычно, когда они были снаружи, если мясо не доставал Цзян Лэ, волчонок почти не охотился отдельно. А кроме мяса и кристаллических ядер, которые были нужны всем питомцам, волчонок ещё требовал, чтобы Цзян Лэ доставал ему козье молоко, свежие фрукты и овощи — словом, во всём получал особое обращение.

К этому привык не только волчонок. Сам Цзян Лэ тоже привык.

А по лёгкой мутации курятины и рыбы можно было понять: всё на территории, где жили деревенские, тоже подвергалось влиянию мутаций. Просто старый камфорный лавр подавлял всё это так же, как подавлял Цзян Лэ и волчонок, не позволяя им использовать любые силы, принесённые мутациями, и тем самым поддерживал для обычных жителей деревни прежнюю жизнь.

Все деревенские говорили с сильным местным акцентом. Иногда Цзян Лэ не понимал их слов, но тепло, звучащее в этих словах, не требовало буквального понимания. По сравнению с искусственно созданным лживым спокойствием такая непривычная для Цзян Лэ оживлённость, наоборот, казалась ему родной.

После ужина Цзян Лэ и волчонок в ночной темноте вернулись во дворик дома Вэнь Тао. Вэнь Тао жил в доме своего старшего дяди, но сейчас сам вызвался проводить их.

Ребёнок вприпрыжку бежал впереди. Хотя вокруг уже не было света, рядом с Вэнь Тао всё время кружили несколько светлячков размером с шершня. Они, словно маленькие движущиеся фонари, следовали за ним.

Когда они дошли до места, Цзян Лэ и волчонок остались, а Вэнь Тао со светлячками убежал к соседям искать друзей для игры. Вскоре снаружи послышались смех и возня мальчишек и девчонок.

Цзян Лэ закрыл деревянную дверь и тихо вздохнул. В этом вздохе было слишком много разных чувств, и он не мог сразу выразить их словами.

Это исследовательское задание он уже не сможет выполнить на сто процентов.

И не только потому, что уровень старого камфорного лавра выше его. Если бы дело было лишь в этом, Цзян Лэ мог бы временно уйти, подняться ещё на несколько уровней и вернуться. Ведь после того как энергия метеорита иссякнет, скорость повышения старого камфорного лавра неизбежно замедлится, а Цзян Лэ, пока его ферма существует, не перестанет повышаться.

Главная причина, по которой он не сможет выполнить задание, заключалась в другом: Цзян Лэ понял, что старый камфорный лавр не просто мутировавший вид. С ним связана судьба жителей этой маленькой горной деревни. Активная защита людей мутировавшим видом звучала невероятно, но Цзян Лэ думал: для дерева, прожившего несколько сотен лет, жители этой маленькой деревни были его потомками. Именно поэтому, когда мир изменился, оно всё равно выбрало защищать их спокойную жизнь.

Когда бы это ни было, Цзян Лэ не хотел нарушать такое спокойствие.

Вернувшись мыслями к настоящему, Цзян Лэ обнаружил, что волчонок всё это время стоит у кровати. Старая деревянная кровать была достаточно широкой, на ней свободно поместились бы трое мужчин. В нынешней особой ситуации Цзян Лэ был не против спать с волчонок на

одной кровати.

Он поднял руку и похлопал по краю циновки, загнувшейся на постели.

— Не будешь спать?

Волчонок посмотрел на Цзян Лэ и сказал:

— Ты не любишь, когда я в таком виде сплю с тобой.

Его тон был ровным, он просто констатировал факт.

Цзян Лэ пришлось сказать:

— Это когда мы снаружи. Сейчас можно только так.

Волчонок воспринял это как прямое приглашение Цзян Лэ. Только тогда он сел рядом с ним на край кровати, но всё же спросил:

— Почему снаружи нельзя?

Цзян Лэ не знал, как ответить. Подбирая слова, он через некоторое время с трудом произнёс:

— Потому что мне больше нравится твой прежний пушистый вид. Его удобнее обнимать.

Один лёг ближе к стене, другой — снаружи, и они вытянулись рядом.

Цзян Лэ уже решил, что разговор закончен, но волчонок вдруг повернулся на бок, посмотрел на него и снова спросил:

— Тогда мой нынешний вид тебе неприятен?

Цзян Лэ открыл глаза, которые уже закрыл, повернул голову и встретился с взглядом волчонка. Потом услышал, как тот добавил:

— Ты сказал «больше нравится», значит, нынешний вид тебе тоже не противен, верно?

— Конечно, не противен. С чего бы мне тебя ненавидеть? — Цзян Лэ не знал, о чём думает волчонок. Он только чувствовал, что выражение лица, с которым тот серьёзно размышляет, очень милое. Пальцы, сложенные у груди, дрогнули, и Цзян Лэ всё-таки не удержался: поднял руку и ущипнул волчонка за щёку.

И правда, каким бы холодным ни казалось это лицо, на ощупь оно всё равно было мягким.

— Может, сейчас меня тоже удобно обнимать. — Волчонок чуть придвинулся, словно чем-то поддразнивал.

Сон в обнимку с волчонком действительно стал привычкой Цзян Лэ, источником чувства безопасности, рождённого взаимным доверием. Цзян Лэ слегка поддался уговорам и медленно протянул к волчонку руку, но не успел протянуть и наполовину, как волчонок сам взял её и одним движением обнял его.

В отличие от волчьего облика, в человеческом варианте объятие почти неизбежно сводилось к одному: это волчонок держал Цзян Лэ в руках.

Из-за непривычки Цзян Лэ слегка пошевелился, но сейчас у него не хватало сил, чтобы подавить волчонка и заставить его изменить позу по своему желанию.

Ладно. Цзян Лэ пару раз попытался сопротивляться и сдался. Знакомое тепло рядом навевало сон, а чувство защищённости в объятиях не хотелось оставлять. В чужом и тревожном месте человек всегда легче тонет в утешении.

Цзян Лэ думал, что не уснёт, или что ему понадобится время, но очень быстро провалился в сон. Когда он снова открыл глаза, небо уже смутно светлело, а снаружи один за другим кричали петухи.

Оказалось, к волчонку в человеческом облике он тоже всё-таки успел привыкнуть. Цзян Лэ потёр лицо.

Волчонка в комнате по-прежнему не было, но на этот раз он и у двери не стоял, не мешая другим войти.

Цзян Лэ встал с кровати и открыл дверь. Как раз в этот момент он увидел, что волчонок возвращается со стороны дома старшего дяди Вэнь Тао, держа в руках две миски с едой. Вчера после ужина старший дядя Вэнь Тао сказал, что утром им тоже надо прийти поесть.

Увидев, как волчонок ровно несёт две большие фарфоровые миски, Цзян Лэ улыбнулся:

— А я думал, ты не собираешься разговаривать с другими.

Волчонок жёстко сказал:

— Я с ними и не разговаривал.

Он просто пришёл туда. Вэнь Тао увидел его и вынес еду из кухни. К такому немного странному чужаку жители деревни тоже отнеслись вполне спокойно.

Цзян Лэ сдерживал смех. Терпеть было трудно, но он не хотел подрывать инициативу волчонка.

Однако как бы хорошо здесь ни было, Цзян Лэ не собирался задерживаться. Они с волчком позавтракали, вернули посуду и сразу сказали жителям, что собираются уходить.

Деревенские уговаривали:

— Оставайтесь здесь, тоже неплохо. Тут гораздо спокойнее, чем снаружи.

Кто-то даже подначил:

— Сяо Сю ещё мужчину себе не нашла. Сяо Цзян, а ты, по-моему, очень хорош.

Ту девушку по имени Сяо Сю Цзян Лэ тоже помнил. Эти два дня она часто появлялась среди жителей деревни, была совсем молодой, лицо у неё всегда краснело, зато глаза были очень ясными.

— Что значит «найти мужчину»? — вдруг спросил волчонок.

Не дожидаясь, пока деревенские ответят, и опасаясь, что волчонок скажет что-нибудь потрясающее, Цзян Лэ тут же перехватил тему:

— У меня ещё много дел. Давайте так: когда снаружи станет безопасно, я приду и скажу всем. Хорошо?

Жители деревни просто шутили и не собирались силой удерживать Цзян Лэ. С разговорами и смехом они проводили его часть пути, а на последний отрезок с ними пошёл Вэнь Тао.

Когда Цзян Лэ оказался в деревне, именно Вэнь Тао нашёл его. Когда он уходил, Вэнь Тао снова проводил их за пределы деревни.

Для Цзян Лэ эта область была пространством, границы которого он не мог распознать, но Вэнь Тао лёгким движением будто рассёк его перед ними. В воздухе без всякой опоры раскрылась щель, и пейзаж высокоуровневой зоны мутаций мгновенно предстал перед глазами. Это было то самое место, где Цзян Лэ получил ранения и потерял сознание.

Несколько человек стояли на краю двух миров. Вэнь Тао с явной неохотой сказал Цзян Лэ:

— Братец, когда мне исполнится восемнадцать, я ведь даже не буду знать, где тебя искать. Тогда ты сможешь прийти за мной?

Любое обещание, если уж оно дано, должно быть исполнено. Поэтому Цзян Лэ подумал две секунды и только под ожидающим взглядом Вэнь Тао кивнул:

— Хорошо. Тогда через двенадцать лет я снова приду сюда за тобой.

Увидев, что он согласился, Вэнь Тао расплылся в широкой улыбке.

— Тогда я буду ждать тебя здесь!

Цзян Лэ открыл свой чёрный рюкзак. Сейчас подавление старого камфорного лавра почти исчезло, и этого уже хватало, чтобы Цзян Лэ снова установил связь с пространством.

За эти два дня накопившиеся системные напоминания и сообщения о полученном опыте разом хлынули к нему.

Цзян Лэ пока не стал ими заниматься. Он снял рюкзак со спины и достал из него целую кучу снеков разных марок, напитков, которые любят дети, коробок молока и прочего. Рядом с Вэнь Тао выросла гора еды выше него самого.

— Это возьми с собой.

Вэнь Тао смотрел, как Цзян Лэ, словно фокусник, вытаскивает из плоского чёрного рюкзака столько вкусного, и ещё сильнее поверил словам старого камфорного лавра о том, что Цзян Лэ очень силён. В то, что Цзян Лэ потом придёт за ним, он тоже поверил крепче. Довольный, он забрал еду, но перед уходом всё равно, махая Цзян Лэ рукой, не удержался и напомнил:

— Братец, не забудь прийти за мной!

Затем неровность пространства сгладилась. Вэнь Тао и вся деревня исчезли перед глазами Цзян Лэ так, словно никогда не существовали.

Только теперь подавление старого камфорного лавра полностью исчезло. Кровавая лоза и мутировавший женьшень тоже пробудились из принудительной спячки.

Хотя исследование центральной зоны мутаций сорвалось, Цзян Лэ не собирался сразу уходить.

Он посмотрел в ту сторону, куда прежде исчез мутировавший паук, и на месте вместе с питомцами вошёл в пространство.

Кровавая лоза, всё ещё напуганная, вздыхала там о том, каким страшным оказался мутировавший старый камфорный лавр. Мутировавший женьшень ничего не говорил, но молча показал состояние голода. Вид у него был такой, словно он хотел тут же проглотить сотню-другую кристаллических ядер и одним рывком подняться до 10-го уровня, чтобы наконец успокоиться.

А Цзян Лэ стоял на месте и просматривал системные уведомления.

«Поздравляем хозяина. В тяжёлых и выдающихся боях, а также благодаря усердной работе фермы вы накопили достаточно опыта для повышения до 8-го уровня. Желаете повысить уровень сейчас?»

Кроме этого, были и другие, не столь важные сообщения о повседневных делах фермы. Например, салат, огурцы и прочие культуры благодаря опыту охраны уже поднялись до 6-го уровня и на своих постах проявили ещё более надёжные качества.

Для Цзян Лэ это повышение было одновременно и в пределах прежних расчётов, и своевременной помощью.

Если сложить кристаллические ядра, добытые во время этой охоты в зоне мутаций, с прежними накоплениями, то вместе с тремя питомцами они тоже могли завершить ещё одно повышение.

Цзян Лэ всё распределил и объяснил питомцам свой план. Мутировавшие виды, столкнувшись с существами более высокого уровня, испытывали ещё более сильное желание эволюционировать. Питомцы Цзян Лэ не были исключением.

В пространстве было достаточно безопасно, поэтому Цзян Лэ, распределив кристаллические ядра и увидев, как питомцы один за другим входят в спячку для повышения, сам тоже выбрал повышение уровня.

Полмесяца промелькнуло в мгновение ока. Когда Цзян Лэ очнулся, он снова ясно ощутил перемену в своём теле. Если два прежних повышения дали ему способность сливаться с дыханием окружающей среды, то теперь Цзян Лэ почти чувствовал: стоит его мысли измениться, и заметная перемена коснётся уже не только его ауры.

Он поднял руку и посмотрел на кончики своих пальцев. Концы длинных пальцев словно рассыпались в воздухе на мелкие частицы, а через миг снова слились воедино. Он больше не просто подражал дыханию окружающей среды. Он сам будто становился частью природы.

Однако эта перемена пока не была полной. Возможно, нужно будет повышаться дальше, чтобы увидеть окончательный результат.

Но даже сейчас Цзян Лэ ощущал: его материальное тело стало лёгким, как порыв ветра. Все показатели на системной панели, будь то скорость, сила или ментальный показатель, значительно выросли. Для существ, умеющих атаковать ментальным показателем, нынешнее состояние Цзян Лэ было уже куда труднее уловить, а воздействие ментальных атак на него заметно уменьшалось.

Что до питомцев: кровавая лоза повысилась до 7-го уровня ещё несколько дней назад и

проснулась раньше всех. Волчонок и мутировавший женьшень очнулись почти одновременно с Цзян Лэ.

Кроме усиления прежних показателей, никаких неожиданных изменений у питомцев больше не появилось.

После этого повышения Цзян Лэ достиг 8-го уровня, волчонок и мутировавший женьшень тоже достигли 8-го уровня. Три 8-х уровня и один 7-й. Этого было вполне достаточно, чтобы убить одного мутировавшего паука 8-го уровня.

Покинув пространство, Цзян Лэ направился туда, где находился мутировавший паук. На этот раз он прямо наступил на разложенную пауком паутину. Один шаг вниз, и хотя Цзян Лэ нарочно не ослаблял своё присутствие, на гнилых листьях, покрывавших паутину, не осталось никакого видимого следа.

Лишь когда до мутировавшего паука осталось всего сто с небольшим метров, лёгкая дрожь паутины наконец насторожила его.

<http://bllate.org/book/17649/1691109>